

МЕТКИ-АББРЕВИАТУРЫ И МОНОГРАММЫ НА ЧЕРЕПИЦЕ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА

Кровельная продукция гончарного производства является массовым материалом раскопок средневековых памятников Крыма. Если для раннего средневековья характерно отсутствие рельефных знаков или меток на черепице, то уже начиная с IX в. они многочисленны и разнообразны. Возможность использования этого материала для выяснения принципов организации керамического производства в Херсонесе и вокруг давно привлекает к себе внимание исследователей. Однако далеко не все вопросы, связанные с интерпретацией меток, получили удовлетворительное объяснение. Недостаточно совершенной остается датировка черепицы с метками, опирающаяся на типологию, в основу которой положена классификация по внешним признакам черепка и метки-знака¹. Нет единства мнений и по вопросу собственно функционального назначения метки, степени ее информативности.

А. Л. Якобсон склонен видеть в метках знаки ремесленников². Две сложные метки, включающие несколько знаков, могли, по его мнению, принадлежать артели мастеров³, а группа меток в виде креста сопровождала продукцию монастырской мастерской⁴.

Е. А. Паршина, отмечая закономерность находок черепицы с метками в виде креста вблизи монастырей Южной Таврики, считает, что этот знак мог символизировать либо заказчика-церковь, либо монастырское (церковное) гончарное производство. Другим знакам — изображениям букв, тамг, символов и животных она придает значение меток «партий» изделий, маркировка которых диктовалась характером самого производства. «Метки, — по ее мнению, — не могли быть знаками отдельных мастеров хотя бы потому, что многие из них бытуют весьма длительное время»⁵.

Датировке знака в виде пятиконечной звезды-пентаграммы, встречающегося в нескольких вариантах черепичных меток Херсона, посвящена небольшая заметка Н. В. Пятышевой, усматривающей в этих метках значение оберега⁶. В недавнее время Т. И. Симоновой был опубликован комплекс черепицы обрушившейся кровли дома XIII—XIV вв., раскопанного в портовом квартале Херсонеса⁷. Отмечая совместное нахождение в опубликованном и подобных ему комплексах черепицы разных типологических групп, выделяемых по признакам керамического теста, различиям профилей бортиков и высот рельефа меток, автор ставит под сомнение предложенную А. Л. Якобсоном датировку

черепицы по этим признакам, предполагая единовременность отдельных выпусков двух основных групп принятой классификации⁸.

Качественно новый подход к исследованию средневековой черепицы Херсона позволит в будущем путем сопоставления комплексов установить относительную датировку отдельных типов меток, окончательно решить ряд спорных вопросов их атрибуции.

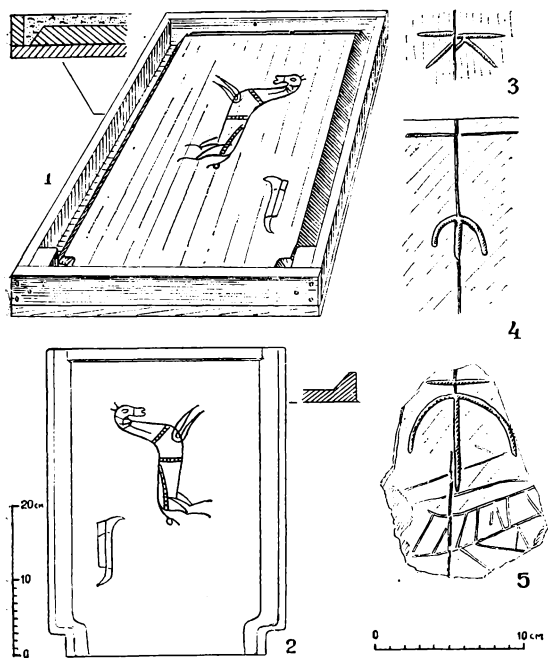

Рис. 1.

1 — реконструкция формы для изготовления черепицы, 2 — черепица, изготовленная в подобной форме, 3—5 — дефекты на средневековой черепице по линии соединения составных частей формирующей накладки

Из этого, однако, не следует, что до накопления необходимого для достоверности сопоставлений количества комплексов нужно отказаться от всяких попыток выяснения вопросов организации керамического кровельного производства Херсона на основе имеющегося материала. Технологическая специфика любого производственного процесса находит косвенное отражение в его организационной структуре. Таким образом, важным звеном исследования является реконструкция процесса производства кровельной керамики. Так как подобная реконструкция не находила ранее отражения в литературе, позволим себе небольшой экскурс для уяснения особенностей этого производства.

Как можно заключить по фактуре тыльной плоскости черепицы и наблюдаемой в поперечном изломе бортика структуре

слоистости включений, черепица формировалась в односторонней форме — изложнице. Последняя имела вид прямоугольного ящика с невысокими стенками и днищем, профилировка которого формовала лицевую сторону черепицы. Судя по встречающимся на поверхности изделия отпечаткам продольных трещин и шляпок гвоздей, а иногда и фактурного рисунка древесины, вся форма была деревянной, а днище состояло из собственно дна ящика и укрепляемой с внутренней стороны его накладки в виде плашки, скосы боковых сторон которой приходились на внутреннюю поверхность бортиков черепицы, а толщина определяла их высоту. На поверхности накладки вырезались борозды для формовки валиков и заглубленная метка. Сужение в нижней части черепицы обеспечивали укрепляемые в нижних углах формы деревянные вкладыши и соответствовавшие им запилы в накладке дна (рис. 1).

Форма заполнялась глиной в превосходящем ее объем количестве. После уплотнения массы, обеспечивающего затекание глины в углубления, избыток массы удалялся продольным перемещением бруска-лекала, опиравшегося на боковые стенки ящика-формы и скользящего по ним. При этом происходило равномерное распределение формирующейся глины. Смещение в направлении движения бруска-лекала крупных включений создавало на поверхности параллельные борозды и отдельные продольные выемки, отчетливо наблюдаемые на тыльной стороне обожженной черепицы.

Использование древесины в качестве материала формы при значительной толщине формируемого изделия технологически предусматривает меры, способствующие извлечению изделия из формы, его усадке. Наблюдаемые на поверхности черепиц следы светлого ангоба указывают на применение мелкозернистой осушающей подсыпки, наносимой перед заполнением формы на ее рабочую поверхность. Свидетельством того, что черепица извлекалась из изложницы в незатвердевшем виде (а значит, не проходила в ней весь процесс сушки), являются многочисленные находки фрагментов с отпечатками травинок и примятых стеблей растений на тыльной стороне, следов лап и копыт домашних животных на лицевой⁹. Деревянной формой обеспечивалось частичное поглощение влаги, при котором происходила усадка глины, достаточная, чтобы извлечь черепицу опрокидыванием формы для последующей сушки изделия на открытом воздухе.

Технологический процесс предусматривал непременно просушивание формы перед каждой формовкой, что являлось наиболее длительным в рабочем цикле, который проходила сама форма. Организация производства в мастерской, где возможно использование на подсобных работах сезонных рабочих и подмастерьев, полностью исключает применение только одной формы, так как нарушается непрерывность процесса. Ускорить

формовку, увеличив этим производительность труда, могло одновременное использование в работе нескольких форм, что, непременно, должно было иметь место в налаженном товарном производстве. Доказательством подобного употребления мастером нескольких форм служит одновременное применение нескольких вариантов одного знака, отмечаемое А. Л. Якобсоном уже для раннего этапа производства кровельной керамической продукции¹⁰.

За время, необходимое для сушки одной формы, мастер успевал заформовать несколько других готовых к употреблению форм. Выдерживание сформованной черепицы в изложнице-форме также требовало определенного срока, что тоже создавало резерв производительного времени. Труд одного мастера с помощниками в условиях благоприятной солнечной погоды требовал наличия не менее трех-четырех форм, из которых на каждом этапе одна-две должны были просушиваться, в третьей выдерживалась сформованная черепица, а четвертая находилась в работе.

При установившейся норме количества форм на одного мастера для безошибочного определения готовности формы к работе достаточно было соблюдать определенную последовательность использования форм в изготовлении черепицы. Отсюда, возможно, возникла необходимость маркировки форм различными метками, представлявшими зачастую вариации одного и того же символа, нарочитость различий в написании которого порой очевидна. В качестве примера можно назвать выделенные А. Л. Якобсоном в единую группу херсонесские метки в виде монограммы имени «Михаил», представленной тремя вариантами написания¹¹. Еще более показательна отмеченная Е. А. Паршиной группа меток XIII—XIV вв., в которых выражена их цифровая (числовая) последовательность¹².

Можно заключить, что маркировка продукции, наличие одновременно участвующих в работе форм должны отражать достаточно высокую организацию труда. Количество используемых мастером форм определяет характер и объем производства.

Из числа бытовавших в Херсоне и его округе меток выделяются знаки в виде буквенных монограмм, лигатур и аббревиатур, повторяющихся в различных начертаниях. Возможность информативного использования этих меток заключается в том, что в системе принятых сокращений передаваемые ими буквенные знаки или определенные сочетания знаков имели вполне конкретное, одинаковое для всех смысловое значение. Так, упомянутые метки в виде вариаций монограммы имени «Михаил» могли пониматься современниками лишь в определенном значении имени святого. Лигатура «тэты» и «эпсилон» заключала начальные буквы имени Богородицы. Тот же смысл несло изображение одной «тэты», встречающееся вместе с крестом¹³.

Можно предполагать связь этих меток с церковным (монастырским) производством, тем более что наличие такового в средневековом Херсоне отражает группа меток в виде крестов, относимая А. Л. Якобсоном к IX—X вв.¹⁴

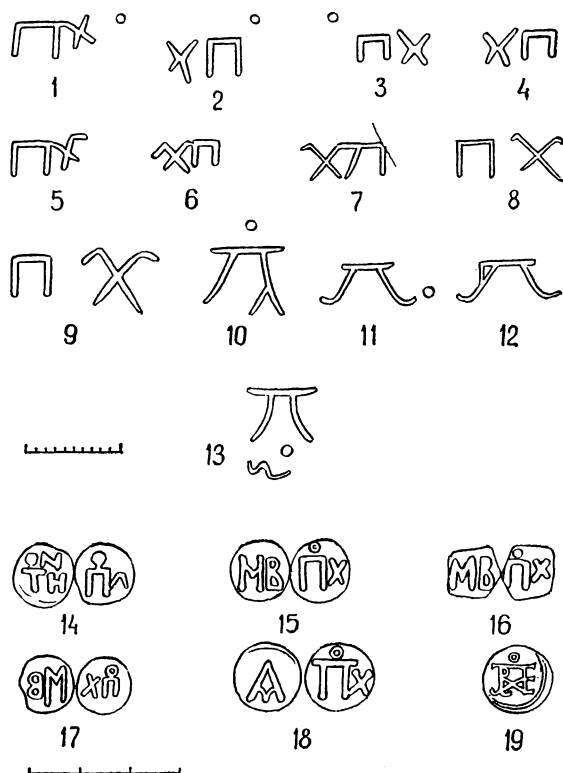

Рис. 2.

1—13 — метки на средневековой черепице, 14—19 — херсонесские монеты: 14 — Феофила (835—842 гг.); 15—18 — Михаила III (842—867 гг.); 19 — Юстиниана I (527—565 гг.) — оборотная сторона

Особую группу представляют метки в виде аббревиатуры «пи» — «хи» — «омикрон», объединяемые А. Л. Якобсоном «не только по содержанию, но и хронологически»¹⁵. К разновидностям метки (рис. 2-1) относятся варианты написания ее с иной последовательностью букв, плохо оттиснувшимся «омикроном» в виде крупной точки или без него (рис. 2-2—9)¹⁶. Подобная аббревиатура располагалась на реверсах херсонесских монет времени Феофила (835—842 гг.), Михаила III (842—867 гг.), а также выпускавшихся, по мнению В. А. Анохина, при Михаиле III от имени архонта с буквой А на лицевой стороне (рис. 2-14—18)¹⁷. Сходство монетного типа Михаила III и ряда вариантов метки подчеркивается как палеографическим стилем, так и общими пропорциями букв. Правда, передаваемый в мет-

ке крупной точкой «омикрон» смещен в сторону от букв ПХ, на монете маленький «омикрон» находится непременно над ними. Но это незначительное различие можно объяснить размещением аббревиатуры в первом случае в тесном поле монетного кружка, во втором — на просторной плоскости черепицы, где «омикрон»-точка все же непременно находится выше остальных букв. Расположение «омикрона» над «пи» определяется преемственностью типа реверса с ПХ от монограммы херсонских монет Юстиниана I с подобным взаимоположением этих букв (рис. 2-19) ¹⁸.

Приведенные сопоставления позволяют заключить, что именно монетный тип времени Михаила III явился образцом, копируемым изготовителем черепичной формы, что определяет дату метки ПХ временем не ранее 842 г.— начало выпуска монет Михаила III. Поскольку значение аббревиатуры ПХ (как и монограммы монет Юстиниана I) однозначно толкуется всеми исследователями как сокращение формулы «полис Херсонос», второй крайней датой метки могут являться 70-е гг. IX в., когда употребление формулы «полис» перестает прослеживаться на монетах Херсонеса.

К упомянутой группе меток примыкают несколько других: лигатуры «пи» и «лямбды» с крупной точкой «омикроном» над ней (рис. 2-10), «пи» с «омикроном» и «пи»—«лямбда» (рис. 2-11—12), возможно, метка с «пи», «омикроном» и знаком, напоминающим «омегу» (рис. 2-13) ¹⁹. Закрывающие, как видно, сокращение слова «полис», эти метки могут датироваться второй — третьей четвертями IX в. или, по крайней мере, не позднее конца 70-х гг. IX в., когда с реорганизацией феоды на монетах и печатях Херсона исчезают символы самоуправления и упоминания должности архонта ²⁰.

По аналогии с предыдущими группами меток можно с достаточным основанием рассматривать многочисленную группу знаков в виде буквы Х в общепринятом значении начальной буквы в названии города. По признакам черепицы с этими метками отнесены А. Л. Якобсоном к IX—X или XI—XII вв. ²¹

Рассмотренные метки, как это следует из их смыслового содержания, несут в себе формулу «полис Херсонос» или название города, что может указывать на принадлежность помеченной продукции мастерской, подчиненной муниципальному управлению города в 40—70-х гг. IX в. Возможно, та же мастерская продолжала некоторое время выпуск черепицы и после официального упразднения самоуправления города, сохраняя в метке лишь начальную букву его названия.

Учитывая одновременное использование в этой мастерской значительного числа форм, которое, возможно, не ограничивалось снабженными «полисной» меткой, можно говорить о крупном по масштабам средневекового города производстве кровельной продукции. Последняя предназначалась для муниципаль-

ных построек и общественных зданий. Находки черепицы с городскими метками Херсона в Юго-Западной и Южной Таврике²² указывают на определенную административную подчиненность этих районов городу в IX в.

Городское производство строительной керамики IX в. находит прямую параллель в современном ему монетном деле Херсона, которое, по существу, также может рассматриваться как муниципальное. Выпуск литых бронзовых монет, начавшийся в Херсоне в VIII в. и ставший более или менее регулярным со второй четверти IX в.— чрезвычайное явление в монетном деле Византии²³. Монетные типы второй — третьей четверти IX в. несут в себе девиз полиса, что подчеркивает негосударственный характер этих выпусков. Сам девиз находится в определенном противоречии с типами лицевых сторон монет, содержащими инициалы имен византийских императоров. Ликвидация самоуправления города повлекла за собой прекращение выпуска монет с ПХ, последовавшее в правление Василия I (867—886 гг.), и изъятие их из обращения. Но производство Херсоном литых монет не прекратилось и после реорганизации фемы. Неизменным типом оборотной стороны литых монет становится изображение креста на трех ступенях или крестообразной монограммы. Все эти выпуски, регулярно продолжавшиеся до второй четверти XI в. и имевшие незначительный ареал, можно с полным основанием приписывать церковно-храмовому производству Херсона. Не случайно для города характерен небывалый расцвет церковно-монастырского строительства, возобновление старых храмов и возведение новых, украшение культовых построек пышными мозаичными полами²⁴. Активизация церковно-строительной деятельности подкрепляет предположение о существовании в городе в X—XI вв. церковно-монастырских черепичных мастерских, в разряд которых могла перейти и крупная мастерская, ранее принадлежавшая муниципалитету.

Выпуском черепицы занимались также и свободные ремесленники. Немало центров кровельного керамического производства находилось вне Херсона в Юго-Западном Крыму и на побережье. Так, М. И. Ростовцев в 1916 г. в урочище Ласпи исследовал черепицеобжигающие печи, загруженные черепицей со знаком в виде животного²⁵. Подобные же метки были обнаружены Е. А. Паршиной при раскопках керамических печей в Батилимане близ Ласпи²⁶, встречены они и в Херсонесе, где по условиям находки датируются А. Л. Яковсоном IX—X вв.²⁷ Очевидно, значительная часть производственных комплексов, снабжавших город черепицей, располагалась далеко за его пределами, будучи тесно связана с сырьевой базой. Выяснение организации частных производств кровельной продукции в IX—XII вв. является одним из наиболее сложных вопросов и требует широкого привлечения археологических материалов всего Юго-Западного Крыма и территорий его южного побережья.

Исследование комплексов последнего этапа жизни города с остатками рухнувшей кровли домов XIII—XIV вв. выявляет явное преобладание черепицы одного стойкого типа. Отличительным признаком поздневизантийской черепицы Херсона является бледно-розовая окраска черепка с известковыми включениями и плотное покрытие светлым ангобом поверхности, а также определенная стандартизация ее размеров ($420 \times 330 \pm \pm 10$ мм). Однообразие глиняной массы в этой продукции может указывать на единый источник сырья. Вместе с тем отмечается появление на этих черепицах меток, не несущих какой-либо конкретной смысловой нагрузки. К подобным относятся изображения всадников, птиц, животных, отдельных сенок и мотивов, копирующих распространенные в камнерезном и изобразительном искусстве сюжеты. Одновременное использование в производстве до десятка форм, утилитарное, сводившееся к маркировке рабочих форм назначение меток XIII—XIV вв. (идейно-символическая сторона некоторых изображений в данном случае второстепенна), вытекающее отсюда отсутствие необходимости метить продукцию знаком мастерской, а также отмеченное однообразие черепицы как по составу глиняной массы, так и по внешним признакам являются, на наш взгляд, свидетельством существования в Херсоне в XIII—XIV вв. одного крупного объединения мастеров по производству черепицы.

Выделенные этапы развития городской промышленности кровельных материалов, создание в IX в. крупной муниципальной мастерской и существование церковно-монастырского производства явились теми экономическими предпосылками, которые предопределили последующее объединение свободных ремесленников в организацию, практически бесконкурентно владевшую херсонским рынком в XIII—XIV вв.

¹ Я ко б с о н А. Л. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.).— МИА, 1950, № 17, с. 119 сл.; Пар ш и н а Е. А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965—1969 гг.).— В кн.: Феодальная Таврика. Киев, 1974, с. 79—80; С и м о н о в а Т. И. Метки на черепице кровли дома XIII—XIV вв.— В кн.: Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980, с. 107—108.

² Я ко б с о н А. Л. Средневековый Херсонес ..., с. 122; О н ж е. Ранне-средневековый Херсонес.— МИА, 1959, № 63, с. 316; О н ж е. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979, с. 68.

³ Я ко б с о н А. Л. Средневековый Херсонес, с. 140, № 249, 250; с. 152—153; О н ж е. Керамика и керамическое производство ..., с. 153.

⁴ Я ко б с о н А. Л. Раннесредневековый Херсонес, с. 319; О н ж е. Керамика и керамическое производство ..., с. 68, 97.

⁵ Пар ш и н а Е. А. Средневековая керамика ..., с. 91—92.

⁶ П я т ы ш е в а Н. В. Изображение пентаграммы как датирующий признак некоторых памятников Херсонеса.— АДСВ. Свердловск, 1973, с. 215—220.

⁷ С и м о н о в а Т. И. Метки на черепице ..., с. 104—120.

⁸ См. также: Ромашчук А. И. Раннесредневековые строительные материалы Херсонеса — ВВ, 1976, т. 37, с. 158; Отчет объединенной экспедиции Херсонесского музея, Уральского и Харьковского университетов о раскопках в Херсонесе в 1965 г.— Арх. ХГИАЗ, д. 1161; Арх. ИА АН УССР, ФЭ № 4436.

⁹ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес, с. 119.

¹⁰ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес, с. 304; Он же. Керамика и керамическое производство ..., с. 68.

¹¹ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес, с. 137, № 210—212; Симонова Т. И. Метки на черепице ..., с. 109, рис. 2, № 18, 19, 21.

¹² Паршина Е. А. Метки на средневековой черепице Херсонеса: Рукопись.— Арх. ИА АН УССР.

¹³ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес, с. 133, № 161—165.

¹⁴ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес, с. 141—142, № 274—280; Он же. Раннесредневековый Херсонес, с. 319, рис. 173 б; Он же. Средневековый Крым. М.; Л., 1964, с. 65—66.

¹⁵ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес, с. 135—136, № 199—204; Он же. Керамика и керамическое производство ..., с. 96, рис. 59.

¹⁶ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес, с. 136. Типологически к ним примыкают и метки № 196—198. Находки подобных меток известны и вне Херсона на поселении близ с. Оползневое (Паршина Е. А. Средневековая керамика ..., с. 84, рис. 23-9—10), в Симеизе (там же, с. 87, рис. 27-21).

¹⁷ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э.—XII в. н. э.). Киев, 1977, с. 113—115, № 330, 338—344, 349; Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983, с. 37—39, табл. 6-12—13; 7-1—2; 8-12—13. Предположение И. В. Соколовой о возможности выпуска херсонских монет с «альфой» на лицевой и сокращениями формулы «полис Херсонос» на оборотной сторонах во время единоличного правления Александра в 913 г. (с. 43) представляется несостоятельным.

¹⁸ Анохин В. А. Монетное дело ..., № 314; Соколова И. В. Монеты и печати ..., табл. 2-5—9.

¹⁹ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес, с. 129, № 73, 74, 90; с. 136, № 205; Он же. Керамика и керамическое производство ..., с. 96, № 74, 73, 90, 205.

²⁰ Соколова И. В. Монеты и печати ..., с. 112, 115.

²¹ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес, с. 135, № 166—174; Он же. Керамика и керамическое производство ..., с. 96, № 166—174.

²² Эски-Кермен (Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство ..., с. 100, № 65—68), с. Оползневое (Паршина Е. А. Средневековая керамика ..., с. 84, рис. 23-5—10), мыс Троицы (там же, с. 86, рис. 25-8—11), Симеиз (там же, с. 87, рис. 27-20—21), Хачла-Каясы (там же, с. 88, рис. 29), Ореанда (там же, с. 88, рис. 30-12), верхняя Масандра (там же, с. 89, рис. 31).

²³ Соколова И. В. Монеты и печати..., с. 112.

²⁴ Бертъе-Делагард А. Л. Раскопки Херсонеса.— МАР. СПб., 1893, № 12, с. 41; Он же. О Херсонесе.— ИАК, 1907, вып. 21; Айпалов Д. В. Развалины храмов: Памятники христианского Херсонеса. М., 1905, вып. 3; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес, с. 125—247; Он же. Средневековый Херсонес, с. 229—238.

²⁵ Моиссеев Л. А. Об организации научно-исследовательской и экскурсионной базы РОПИКа в Ласпи-Батилимане.— Крым, 1928, № 2(4), с. 188.

²⁶ Паршина Е. А. Средневековая керамика..., с. 82, рис. 20-45—46; Подобные метки были найдены также при раскопках храма близ с. Гончарное (Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство..., с. 69, рис. 41-4—5).

²⁷ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес, с. 124—125, табл. 2-20; Он же. Раннесредневековый Херсонес, с. 318, рис. 173 а-20; Он же. Керамика и керамическое производство..., с. 95, рис. 58-20; Симонова Т. И. Метки на черепице..., с. 112—113, рис. 2-67—69.